

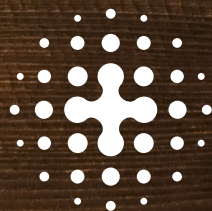

Адвент

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В АДВЕНТ

СОСТАВИТЕЛЬ МАРИЯ БЕЛЕНЦОВА

МОСКОВСКАЯ
БИБЛЕЙСКАЯ
ЦЕРКОВЬ

biblechurch.ru

Адвент

НАДЕЖДА • МИР • РАДОСТЬ • ЛЮБОВЬ

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕСКОВ (1789—1848)

Христос в гостях у мужика

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Посвящается христианским детям

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, -- я слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и передам его же словами.

* * *

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в нашу сторону прибыл за крепостное время и России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую¹. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было.

Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду на поселение -- об этом по нашему положению, щадя человека, не спрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекуном был в его сиротство да и растратил, или взял, почти все его наследство. А Тимофей; Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию создателя, грех сего безумия не до конца совершился -- Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большего наказания ему не было, как из первогильдейных купцов сослан он к нам на поселение.

Именье Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

* * *

Родители мои попервоначалу не очень меня к нему пускали. Он им мудрен казался. Говорили: "Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил". Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему сходил, а потом и Тимофей Осипов

1 То есть герой принадлежит к староверам.

к нам пришел. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Воспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, -- весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки -- гнев горит. Честности он был примерной и умница, а к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла ему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и в десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего еще надо? Кажется, все прошлое горе позабыть можно, но он, однако, все-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоем в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, я его спросил:

– Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?

– В каком, – спрашивает, – это смысле?

– Имеешь ли все то, чего в своем месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил. Тогда я извинился.

– Ты, – говорю, – брат, меня прости, что я так спросил... Я думал, что лихое давно... минуло и позабылось.

– Нужды нет, – отвечает, – что оно давно... минуло – оно минуло, да все-таки помнится...

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он в таком омрачении: Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его святое слово не пользует.

Я и задумался, так как во всем его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит... Он это заметил и говорит:

– Что ты теперь думаешь?

– А так, – говорю, – думаю что попало.

– Нет: ты это обо мне думаешь.

– И о тебе думаю.

– Что же ты обо мне, как понимаешь?

– Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился и лице и отвечает:

– Ты святое слово проводить не сведущ.

– Это, – говорю, – твоя правда, я не сведущ.

– Не сведущ, – говорит, – ты и в том, какие на свете обиды есть.

Я и в этом на его сдание² согласился, а он стал говорить, что есть таковые оскорбления, коих стерпеть нельзя, -- и рассказал мне, что он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.

– Век бы про это молчать хотел, но ныне тебе, – говорит, – как другу моему откроюсь.

Я говорю:

– Если это тебе может стать на пользу – откройся.

И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

– Разве, – говорит, – все это можно простить? Я его в жизнь не прощу.

– Ну да, – отвечаю, – обида твоя велика, это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили³ и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мной оправдать.

А я по простоте своей ответил ему просто.

– Тимоша, – говорю, – ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом -- яснее стоит. Там надо всем блистает. “Возлюби, да прости”⁴, и это всего дороже, как злат ключ, который всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели в некоей малой провинности, а не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме: “Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего?” И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

---

2 Сдание -- ответ, возражение.

3 См.: Евангелие. Деяния Святых апостолов, 2:23.

4 См.: Евангелие от Матфея, 5:44.

– Последуй, – говорю, – лучше сему, а не отомстительному обычаю.

А он пошел приводить большие толкования, как кто писал, что иное простить яко бы все равно что зло приумножить. Я на это упрровергать не мог, но сказал только:

– Я-то опасуюсь, что “многие книги безумным тя творят”⁵. Ты, – говорю, – ополчись на себя. Пока ты зло помнишь – зло живо, – а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покоя жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

– Не могу, оставь – мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а время шло, и убыло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает и что если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, – забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но произошло это весьма удивительно.

* * *

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло уже пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розаны и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что, как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розаны и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут часто молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собою Евангелие. Пооглядел розаны, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею⁶ и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилось чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил:

– Гляжу, – говорит, – вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой ценности и унижении... И наполнились все глаза мои слезами и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так, вроде забытья или обморока, и воскликнул я: “Господи! Если б ты ко мне пришел – я бы тебе и себя самого отдал”.

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке в розовом, дохнуло:

– Приду!

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

– Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

– Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом, можно ли что усмотреть в Писании?

А Тимофей говорит:

– В Писании есть: “Все тот же Христос ныне и вовеки”⁷, – я не смею не верить.

– Что же, – говорю, – и верь.

– Я велю что день на столе ему прибор ставить. Я плечами пожал и отвечаю:

– Ты меня не спрашивай, смотри сам лучшее, что к его воле быть может угодное, а впрочем, я и в приборе ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

– Сказано, – говорит, – “сей грешники приемлет и с мытарями ест”⁸.

– А и то, – отвечаю, – сказано: “Господи! Я не достоин, чтобы ты взошел в дом мой”⁹. Мне и это нравится.

Тимофей говорит: – Ты не знаешь.

– Хорошо, будь по-твоему.

* * *

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек -- он, да жена, да трое ребятишек, -- всегда у них шестое место и конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию “для первого гостя”, а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова и розовом садике, ждал в третий день, потом в первое вос-

---

5 Цитата из Библии в древнерусском переводе (Екклезиаст, 12:12).

6 См.: Евангелие от Луки, 7: 36,44.

7 Евангелие. Послание к евреям Святого апостола Павла.

8 См.: Евангелие от Матфея, 9 : 11, от Марка, 2 : 16, от Луки, 5:30.

9 Евангелие от Матфея, 8: 8.

кресенье -- но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь свое обещание сдержит -- придет. Открыл мне Тимофей так, что "всякий день, говорит, я молю: "Ей, гряди, Господи!" -- и ожидаю, но не слышу желанного ответа: "Ей, гряди скоро!"¹⁰

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

– Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен, и тут только спросил:

– Какое же ты имеешь в этом уверение?

– Ныне, – отвечает, – только я помолил: "Ей, гряди, Господи!" – как вся душа во мне всколыхнулась и в ней словно трубой вострубило: "Ей, гряди скоро!" Завтра его святое Рождество – и не в сей ли день он пожалует? Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

– Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек – мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай ему угодное товарищество.

– Понимаю, – отвечает, – и сейчас pošлю служащих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных -- кто в нужде и в бедствии. Явит Господь дивную милость – пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

– Тимофей, – говорю, – кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако если все это столь сильно "трубит" в душе твоей, то да будет так, как тебе открывается. Если Господь придет, он все, чего не достанет, пополнит, и если ты кого ему надо забудешь, он недостающего и сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы всех дожидаться. Застали большие хоромы его полны людей всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест -- и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалось, да и ждать больше было некогда: все послы домой возвратились и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась мятель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет – который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло, и все мы ждем в сумраке при одном малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел, и был, видно, в тяжкой тревоге. Все упование его поколебалось: теперь уже видное дело, что не бывать "великому гостю".

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит:

– Ну, брат милый, вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех, кого надо, чтоб его встретить. Будь о всем воля Божия: помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю:

– Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал: "Отче наш, иже еси на небеси", а потом: "Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите¹¹, Христос на земли..."

И только он это слово вымолвил, как внезапно что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошумел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылись настезь.

* * *

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, -- неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем -- такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидел это, вскричал:

---

10 Евангелие. Откровение Святого Иоанна Богослова, 22:20.

11 Срящите -- встречайте.

– Господи! Вижду и приму его во имя твое, а ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. -- Да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей христианской покорностью тронуло; и воскликнул всем вслух:

– Вонмем¹²: Христос среди нас!

А все отвечали:

– Аминь, – то есть истинно.

* * *

Тут внесли огонь; я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать -- только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был враг Тимофея -- дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него прошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту мять сбил с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

– Но вдруг, – говорит, – кто-то неведомый осиял меня и сказал: “Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши”, взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

– Я, дядя, твоего провожатого ведаю: это Господь, который сказал: “Аще алчет враг твой -- ухлеби его, аще жаждет -- напой его”¹³. Сядь у меня на первом месте -- ешь и пей во славу его, и будь в доме моем во всей воле до конца жизни.

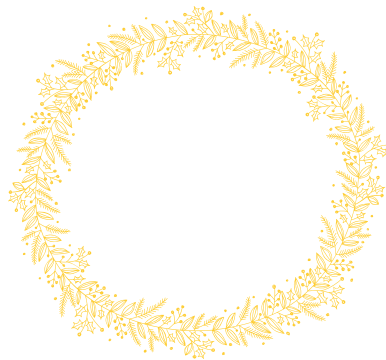
С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем.

* * *

Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: “Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас”¹⁴. Христос придет в это сердце, как в убранный горницу, и сотворит себе там обитель.

Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!

1881

Счастливого Вам Рождества и благословенного нового года.
ОТ МОСКОВСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЦЕРКВИ!

---

12 Вонмем – слушайте (буквально: восслушаем).

13 Евангелие. Послание к римлянам Святого апостола Павла, 12:20.

14 Из заповедей Христа, обращенных к апостолам и народу Иудеи (Евангелие от Матфея, 5:44, и от Луки, 6:27).